

сь пережитыми душевными потрясениями, на жаждѣ отдыха и незыблемаго душевнаго устоя. Въ 1884 году въ статьѣ «Что дѣлать» Толстой самъ опредѣленно говорить о своемъ страхѣ передъ этими, не дающими жить, метаніями и бурями души и жаждѣ оградиться отъ нихъ какими-либо дѣйственными канонами и установлениями. «Что дѣлать?—спрашиваетъ онъ,—начать съ себя:—физической трудъ, очищеніе своей совѣсти въ общемъ дѣлѣ. Необходимо успокоиться на правдѣ: безъ этого ни сѣть, ни лечь нельзя,—безпокойно.

И приплывъ къ своему крѣпкому берегу, писатель сравнительно успокаивается, онъ позналъ тишину, устроилъ свое «я» и старается неуклонно жить по правиламъ. Здѣсь овладѣваетъ имъ съ силой опредѣляющей стихія рациональнаго. Въ особенности первые годы послѣ переворота онъ подчиняется руководительству разсудка и какъ послушное дитя старается идти, не отступая ни на шагъ отъ принятыхъ установлений. Онъ боится сбиться съ пути и снова попасть въ хаосъ пережитыхъ сомнѣній и бурь. Такъ какъ внутренній инстинктъ смутенъ и кромѣ того даетъ себя чувствовать только въ особыя минуты душевныхъ подъемовъ и внутренней ясности, то писатель отдается во власть всѣмъ логическимъ слѣдствіямъ изъ основ-